

О РЕАЛЬНОСТИ ЧУДА ДЛЯ ПЕРВОБЫТНОГО СОЗНАНИЯ

Работа представлена кафедрой философии

Курского государственного медицинского университета.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. П. Щавелев

Статья посвящена представлению реальности существования чуда для первобытного сознания. Ее тематический замысел раскрывается с помощью источников – исследований этнографов: Э. Тайлора, Дж. Фрезера, Л. Леви-Брюля, Г. Спенсера, Р. Маретта. Автор отталкивается от утверждения исследователей о том, что первобытному человеку идея естественной необходимости еще неизвестна. Понятие чуда в статье определяется в рамках первобытного и архаичного социумов не как сверхъестественное в противоположность естественному, а просто как необычное в противоположность обычному.

The article is devoted to understanding of a miracle reality for primeval consciousness. Ethnographical investigations made by E. Taylor, D. Frezer, L. Levi-Bryul, G. Spencer, R. Marett gave an opportunity to analyze that society. The researchers claim that the idea of a natural necessity was unknown to a primitive man. In the article miracle is defined not as something supernatural contrary to something natural, but simply as an unusual phenomenon contrary to a usual one in a primitive society.

Как отмечал Л. Леви-Брюль, «мы бы сказали, что первобытный человек живет среди чудес, если бы в определение чуда не входило представление о чем-то исключительном. Для первобытного же человека чудеса больше, чем повседневная вещь»¹. Что же представляет собой для сознания первобытного человека понятие «чудо»? Могло ли в действительности существовать такое понятие в рамках этой сугубо архаичной рациональности? Современное, замешанное на удивлении и необъяснимости, понимание чуда не может существовать в архаическом обществе, где, как говорил М. Вебер, «искра, созданная трением, – такой же продукт магии, как вызванный манипуляциями заклинателя дождь». И где, соответственно, «религиозные» и «магические» действия или мышления не выходят из сферы повседневной целенаправленной деятельности, тем более что и цели их преимущественно экономические»².

Итак, было ли чудо в архаическом обществе самой реальностью для так называемого дикаря? Для западного менталитета тесная привязка понятия чудесного

к понятию необъяснимо-сверхъестественного имеет одно довольно странное последствие: дух представлений о чудесном часто вступает в противоречие с представлениями о колдовстве и магии. Появилась и логическая нестыковка: магия есть искусство совершать чудеса, однако чудо есть нарушение законов причинности, в то время как магическая практика есть все-таки особого рода овладение этими законами.

Что же собой представляла первобытная действительность? Первобытными мы называем такие народности, как австралийцы, фиджийцы, туземцы Андаманских островов и т. п. Когда впервые европейцы посетили эти народности, их жизнь напоминала древнее общество. «Первобытное» – в нашем сознании настолько закрепился этот термин, что менять на какой-либо другой нет необходимости³.

Согласно первобытному представлению, чудо – это событие, нарушающее привычный ход вещей, но вполне постороннее, оно может произвольно вызываться при помощи магической техники. Так как деятельность их сознания слиш-

ком мало дифференцирована для того, чтобы можно было в нем самостоятельно рассматривать идеи или образы объектов, независимо от чувств, эмоций, страстей, которые вызывают эти идеи и образы. Таинственные силы окружают его всюду, от них, как бы странно нам это ни казалось, зависит судьба первобытного человека. Каждый раз, когда он собирается предпринять что-либо, например, путешествие, охоту, посадку растений, женитьбу и т. д., свои мысли он направляет к силам, от которых зависит успех или неудача действия.

Трудности и искажения возросли вместе с выработкой определенных терминов для описания примитивных религий, что предполагало – мышление «первобытного» человека было настолько отлично от нашего, что его представления не могли быть описаны в терминах и категория нашего языка. Так, например, если цивилизованный человек настаивает на применении слова «бог» только к той концепции божественной природы, которой придерживается он сам, то в уме дикаря вообще нет идеи бога. Но будем ближе к историческим фактам, если допустим, что большинство народов на высшей ступени дикости обладает, по крайней мере, зачаточным представлением о неких сверхъестественных существах, которые могут быть названы богами, хотя и не совсем в нашем смысле слова. По всей вероятности, это зачаточное понятие представляет собой росток, из которого постепенно развились представления цивилизованных народов о божестве⁴.

Что же представляли собой верования древних людей, ведь сталкиваясь с теми или иными терминами, невольно вспоминаем архаическое общество, которое сочетало в себе все то, что было необходимым в тот период времени. Примитивный человек, утверждает Г. Спенсер, рационален и, учитывая малый объем знаний, которыми он обладает, способен к здравым, хотя и поверхностным, выводам. Он видит, что

такие тела, как солнце и луна, облака и звезды, движутся, всходят и заходят, и это подводит его сознание к понятиям дуальности, видимого и невидимого; это осознание усиливается другими наблюдениями, например окаменелостей, цыпленка и яйца, куколки и бабочки (Спенсер уверен, что первобытные люди не способны к идее естественного объяснения, как будто бы они могли вести свои повседневные практические дела без этой способности). И поскольку в окружающем мире может быть воплощена дуальность, то почему бы ей не быть в самом человеке? Представления о духах существуют повсюду, в отличие от представлений о фетишах, которые на деле не слишком характерны для наиболее примитивных народов. Идея существования духов, неизбежно – любимый термин Спенсера – развивается в идею бога и духи отдаленных предков и выдающихся деятелей становятся фигурами богов (доктрина эфемеризма). Спенсер делает вывод: «Корни любой религии – в культе предков»⁵.

В свою очередь, Э. Тайлор хотел показать, что первобытная религия была рациональной, что она развилась из наблюдений, какими бы неадекватными они ни были, и логической дедукции из них, несмотря на их ложность; т. е. являлась чем-то вроде грубой естественной философии. Так как сами дикари старались понять, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что составляет причину бодрствования, сна, экстаза, болезни и смерти. И как уже упоминалось, они задавались вопросом, что такое человеческие образы, появляющиеся в снах и видениях. Называя их древними дикарями-философами Тайлор указывает на то, что сами дикари пришли к заключению, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе «Я». И то и другое отделимо от тела:

жизнь может уйти из него и оставить его бесчувственным или мертвым, а призрак показывается людям вне его телесной оболочки.

Дж. Фрезер, используя сравнительно-исторический метод, систематизировал обширный фактический материал по первобытным верованиям, составил классификацию магических и колдовских представлений и приемов. Одна из наиболее знаменитых работ его «Золотая ветвь» посвящена примитивным суевериям. По его мнению, человечество везде, раньше или позже, проходит три стадии интеллектуального развития: от магии к религии и от религии к науке. С течением времени, утверждает Фрезер, наиболее проникательные мыслители, вероятно, обнаружили, что магия на деле не достигает своих целей, но, будучи по-прежнему неспособными решить эту проблему эмпирически и ликвидировать кризис путем разработки рафинированной философии, они впали в другую иллюзию, а именно – что существуют сверхъестественные существа, способные помочь им в этом. Тотемизм, колдовство, фетишизм объяснялись в терминах анимизма.

Но существовала более ранняя и грубая, чем анимизм, стадия развития религии. Р. Маретт отстаивал наличие преанимистической стадии, также подверг сомнению на методологических основаниях всю линию аргументации, стоящую за анимистическим объяснением религии. Перво-

бытный человек, говорил он, вообще не похож на обезьяну-философа, каким его представляли. У древнего человека не было идей, которые порождали действия, но были действия, порождавшие идеи: «Религия дикарей не столько выдумывается, сколько вытанцовывается»⁶. Согласно Маретту, примитивные народы чувствуют, что в некоторых людях и предметах присутствует некая оккультная сила. И именно отсутствие этого чувства отделяет священное от обыденного, мир чудесного от мира обыденного, а функцией табу является отделение одного от другого. Это чувство, эмоция благоговения, представляет собой смесь страха, удивления, восхищения, любопытства, уважения и даже, возможно, любви.

Первобытный человек и сверхъестественное существуют неразрывно. Возникает даже вопрос: чему удивлялись, дивились в архаической культуре? Ведь одной из трактовок чудесного является чувство удивления. И если для нас чудо является чем-то экстраординарным и нарушающим законы природы, то для первобытного мира уже представлено им как сама пластичная экстраординарность, в которой чудо будет являться закономерностью. Ведь сверхъестественное, которым наделялась, по существу, вся действительность архаического общества, являлось обычным в верованиях и культе первобытного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика – Пресс, 1994. С. 389.

² *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 78.

³ *Леви-Брюль Л.* Указ. соч. С. 7.

⁴ См.: *Фрезер Дж. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 94.

⁵ *Spencer H.* The Principle of Sociology. Vol. 1. 1882. P. 440.

⁶ *Marett R. R.* Threshold of Religion. L., 1912. P. 301.